



Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Мария
Арбатова

Уравнение
с двумя известными

ФТМ

УДК 82-2
ББК 84(2Рос)-6
А79

*Файл книги для электронного и PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»*

Арбатова, Мария Ивановна.

A79 Уравнение с двумя известными: Пьеса / Мария Арбатова. — М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2018. — 56 с. (Библиотека драматургии Агентства ФТМ, Лтд.).

ISBN 978-5-4467-3102-2

В пьесе Марии Арбатовой «Уравнение с двумя известными» параллельно разворачиваются два сюжета — с одной стороны, автономных, с другой, повторяющих друг друга и взаимозависимых. Случайное пересечение — ночной вызов на преждевременные роды — и двое, когда-то влюбленные друг в друга, получают возможность поговорить о совместных воспоминаниях. Финал их истории уже случился, результат известен, но читателю предлагается следить не за линейной последовательностью рассказа, а за процессом раскрытия характеров. Ведь в уравнении важно не только решение, но и способы прийти к нему.

ISBN 978-5-4467-3102-2

© Текст. Арбатова М. И., 2018

© Агентство ФТМ, Лтд., 2018

Темнота. Робкий звонок в дверь. Звонок повторяется все настойчивей и настойчивей. Она встает, накидывает халат, идет к двери.

Она. Спи, Васька, это ко мне.

Зажигается свет в прихожей, открывается дверь.

Он стоит на пороге.

Он. Здравствуйте, простите... Я звонил, но к телефону никто не подходит.

Она. Я его отключила.

Он. Мне звонили... Там нужна ваша помощь...

Она. Борисова?

Он. Борисова.

Она. Заходите.

Он. А может быть, сразу поедем?

Она. Надо переодеться и выпить кофе.

Зажигается свет на кухне. Она ставит кофе на газ, выходит переодеться. Он смотрит в окно.

Она. Как на улице?

Он. Дождь.

Она (входя). Сколько времени?

Он. Двадцать минут четвертого.

Она (набирает телефонный номер). Аллочка, это я. Как у Борисовой дела? Перевела в предродилку? А кто дежурит? Володя? Хорошо поддатый? В честь чего не знаешь? Жена ушла? Правильно сделала. Я на ее месте давно бы это сделала. Ну ясно. (Набирает другой номер, попутно снимает кофе, разливает по чашкам, ставит на огонь новую порцию.) Володя, привет, это я. Рада слышать твой безоблачный голос. Твоя Катя ушла? Совсем ушла? Надо было меньше пить. Ты на ногах-то держишься? На Борисову взгляни хорошенько, это моя девочка. Да, хорошо. Сделай седуксен и но-шпу, может, еще тормознем. Я еду. (Кладет трубку.) Пейте кофе. Еще есть время.

Он садится, берет чашку, но пить не может.

Он. Я так понял — дежурный врач пьян?

Она. В пределах допустимого.

Он. Что значит — в пределах допустимого?

Она. От него ушла жена.

Он. А мне что, от этого легче?

Она. А ему что, легче от того, что вам не легче?

Он молчит.

Она. А со мной как будто договаривались не вы.

Он. Не я. (Вскакивает, достает пачку денег.) Да, вот деньги.

Она (пьет кофе). Пока уберите. Заранее брать деньги — плохая примета.

Он. Извините. *(Убирает деньги.)*

Она. А вы муж?

Он. Нет, отец.

Она. Я так и подумала сразу.

Он. Нас часто принимают за супругов.

Она. Нет, вы не пара.

Он. А как вы это определили?

Она. Да это же сразу видно.

Он. А сформулировать вы это можете?

Она. Нет. Не могу. Вам это так важно?

Он. Ну, мне бы это было полезно. Я всю жизнь этим занимаюсь.

Она. Чем?

Он. Социологией семьи.

Она. Ну и как?

Он. В общем, успешно. *(Смотрит на часы.)*
Мы не опоздаем?

Она. Вы не доверяете моему опыту?

Он. Извините. Когда у вас дочь будет рожать, вы тоже будете нервничать.

Она. У меня нет дочери. *(Наливает кофе в термос.)* Отпустите такси, я на машине.

Он. А может быть, лучше такси?

Она. Пока не сяду за руль, до конца не проснусь.

Идет с термосом в руках.

(У двери.) Васька, я уехала. Не проспи, пожалуйста, и позавтракай толком.

Они в машине.

Она. Ну и что там интересного происходит в семье?

Он. Вообще в семье?

Она. Вообще.

Он. По-моему, ничего интересного, все очень мрачно. Где это мы едем?

Она. Новая дорога. В два раза короче.

Он. Прямо муромские леса.

Она. Теперь это тоже считается Москвой, а раньше сюда крепостные девки ходили по ягоды.

Он. Дочь звонила днем. У вас с ней был конфликт...

Она. Да, я ее оборала.

Он. Она звонила в истерике.

Она. Взрослая женщина, а не понимает элементарных вещей. Я ее сажаю на бессолевую диету, а она набивает тумбочку копченой колбасой. Отеки, давление, почки отказывают, а она ест икру банками и при этом думает, что повышает себе гемоглобин.

Он. Вы ее напугали.

Она. А вы думали, я ее по головке буду гладить?

Он. По головке гладить не обязательно, но и пугать не надо.

Она. Я что, при вашей дочери таможенником должна работать? Я у нее из передачи арбуз вынимаю, а она его по веревке на третий этаж поднимает, лежа животом на подоконнике. А в арбузе килограмма четыре. Не любящий ли папа выбирал?

Он. Нет.

Она. У меня в этом году восемнадцатилетняя девица выдала эклампсию. А она ничего не поднимала,

только прилегла на подоконник послать мужу воздушный поцелуй. И я при всем желании не могла ничего сделать.

Он. И что?

Она. И все.

Он. Что — все?

Она. Все — все!

Пауза.

Он. Я понимаю, но согласитесь, с ней сейчас нельзя так.

Она. Как с ней можно? Вы думаете, что если вы мне платите деньги, то я за нее рожать буду? И вообще, природа создает женщину, чтобы она продолжала род, а вы с вашей дочерью видите в этом событии только дискомфорт, который ликвидируется за плату. Боль ей снимите, сосуды расширьте, психику притушите, да еще и замечаний не делайте! А что же она сама будет делать?

Он. Ну, ни для кого не секрет, что в роддомах отношение безобразное. Каждая вторая женщина и каждый второй ребенок травмированы по вине персонала. И каждый нормальный человек вынужден заранее договориться с врачом и заплатить ему. И ожидает после этого нормального отношения!

Она. Когда женщина правильно себя ведет и правильно к этому относится, ей никакого персонала не надо. Роды самый физиологический процесс. За границей полицейские принимают роды.

Он. Так вы хотите сказать, что я плачу деньги за...

Она. Вы платите деньги за то, чтоб успокоить свою совесть. Мы, дескать, сделали для своей девочки все, что полагается.

Он. Ну хорошо. А вы за что их берете?

Она. Я их беру за то, что буду с помощью окриков и медикаментов делать то, к чему физиология и так двадцать пять лет готовилась.

Он. Вы так говорите, как будто речь идет о нормальных родах на нормальном сроке.

Она. Двадцать девять недель — ребенок жизнеспособный. Ему безопасней два месяца находиться в боксе, чем в легкомысленной маме.

Он. Так, по-вашему, недоношенный ребенок — это даже хорошо?

Она. Да уж чего хорошего? Но теперь-то выбирать не приходится.

Он. Между прочим, это произошло после того, как вы ее, как вы выразились, «оборали».

Она. Это произошло еще и после того, как она подняла четырехкилограммовый арбуз.

Он. Вы напугали ее. Вы сказали, что у нее родится неполноценный ребенок. А перед вами была измученная, взбудораженная, неадекватная беременная женщина.

Она. Вы хотите сказать, что я ей спровоцировала преждевременные роды?

Он. Нет, но...

Она. Закончим этот разговор.

Пауза.